

ОЦЕНОЧНОЕ

— Вы были фигурой правительственного масштаба?

— Это вам кажется. Вообще эстрада в Кремль не приглашалась, а когда начали приглашать, то никогда одного меня не приглашали. И даже (мне объяснял режиссер-постановщик) когда стоял вопрос о сокращении концерта и кто-то говорил: «Надо вот оставить Кобзона с песней такой-то», возражали: «Нельзя одного Кобзона оставлять» (фамилия моя не очень благозвучная).

— Кремлевские концерты были за деньги? Как это все оформлялось?

— Я давно уже стал квалифицироваться как камерный исполнитель. Получал уже 27 рублей (раньше — 19 руб.). Ну, еще появились такие надбавки: за мастерство. Все эти надбавки определялись квалификационной комиссией Министерства культуры. 25%, 50% или самая высшая 75%. Официально, если я теперь буду выступать во Дворце съездов, я буду получать свою ставку 27 руб. и 75% за мастерство. Так же получает Елена Образцова. Это высшая камерная ставка для вокалистов. В остальных концертах я получаю договорную ставку.

— На комсомольских шоу общались с лидерами ВЛКСМ?

— На фестивалях. Близких друзей у меня среди них не было, но знал всех. И общался со многими из них. Но не домами и не семьями. Наверное, единственный человек, с которым я сохранил более близкие отношения, это Борис Пастухов. Сейчас он, кажется, посол в Афганистане. Я очень люблю этого человека и горжусь дружбой с ним.

— Как выглядело приглашение на кремлевский концерт?

— В ЦК партии был отдел культуры, и когда готовился праздничный вечер, естественно, они избирали режиссера на эту акцию. Режиссер предлагал сценарий этого концерта. Их было всего трое. За все годы. Это в первые, ранние

Иосиф Кобзон:

«ВРАГОВ СВОИХ ДРУЗЕЙ Я БЕРУ НА СЕБЯ»

годы был Туманов Иосиф Михайлович. Потом — Анисимов Георгий Павлович. И третьим человеком в этой обойме в последние годы стал Шароев Иохим Георгиевич. Так что в основном потом приглашали уже режиссеры. Ну, возможно, и не без подсказки, я так предполагаю. Но общение было не с ЦК, не с отделом, а с режиссером.

— Вы выступали перед всеми: от Хрущева до Горбачева?

— Да. Я когда начинал работать, еще Дворца съездов не было. Поэтому первые правительственные концерты проходили в Кремлевском театре. Проходили там и «космонавтские» концерты.

— Как, кстати, вы относитесь к слухам о том, что якобы Гагарин не погиб?

— Это ерунда. У Гагарина к моменту его гибели было очень плохое положение в отряде. Юра был командиром. Началась звездная болезнь первых космонавтов, и начались серьезные трения с его самым близким другом (первым дублером), с Германом Титовым.

— Говорят, что на одном из кремлевских приемов Гагарин выплеснул бокал шампанского Брежневу в лицо.

СПРАВКА. Павлов Сергей Павлович. С 1959-го возглавлял комсомол. Член ЦК КПСС в 1961—1971 гг. В 1968 г. назначен председателем Комитета по физкультуре и спорту при СМ СССР. Умел грамотно выкачивать валюту из спортсменов и доставлять деньги из бюджета на помпезное развитие советского профессионального спорта.

— Ерунда, Юра был очень славный человек. Он был очень общительным, очень веселым человеком. При полном отсутствии слуха любил петь. Очень дружил с Сергеем Павловым, в то время комсомольским лидером.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ

— Мы уже беседовали с вами по поводу ваших в общем-то симпатичных отношений с Ельциным...

— Когда он приходил в зал (после знаменитого октябрьского пленума) и когда он уходил — все делал вид, что смотрит в другую сторону. Я, проходя, всегда был ему рад, улыбался.

— Верный политический выбор.

— Да нет! Вот, говорят: «Да что это он стал в последние годы петь Окуджаву?». А я Окуджаву пел и до того, в первые свои годы. Это телевидение меня сделало политиком. Я ведь пою русскую тему, романсы и русские народные песни. Все считают, что это мой репертуар на экспорт, что я его только за рубежом пою. Я его пою всегда в сольных концертах! Но они всегда снимали первое отделение, где я пою советскую тему, лирику и гражданскую тему. И никогда не популяризовали мою интерпретацию жанра романса, жанра народной песни или бардовского репертуара. Потому что им это не нужно. Им нужен Кобзон — громкий патриот.

— На телевидении вы начали работать за славу или за деньги?

— Мы жили очень бедно. Стипендия у меня была 180 рублей (ста-

рыми деньгами). Жили в общежитии, и основным средством к существованию была заработанная картошка (знаменитые колхозные месяцы сентябрь—октябрь, когда всех студентов посылали). Поэтому картошка и сало, которое мама присылала с Украины, нас, студентов, в общежитии очень поддерживали.

— А как давно вы с Горбачевым знакомы?

— Еще по Ставрополю. Он был на сольном концерте, когда я там работал. После концерта приходил за кулисы, благодарил.

— Как у него со слухом?

— Нормально. Воспроизвел как-то, помню, комсомольскую песню абсолютно нормально, что меня удивило. И я ему тогда сказал: «Ну тогда, Михаил Сергеевич, я вам дам кассету свою, с последними моими записями. И послушайте в машине по дороге домой». Он говорит: «Скажу тебе честно, по дороге домой я все время говорю по телефону. Иной раз подвезжаю уже к дому и заставляю водителя сделать один-два круга вокруг дома, пока я закончу разговор. Так что в машине у меня время вряд ли найдется, но на отдыхе обязательно послушаю».

— Кто из политиков вам особенно симпатичен?

— Собчак. Он очень растет. Я за ним с любопытством наблюдаю. Со знакомства на I съезде. Я убедился в правильности своих симпатий. Его поведение во время этих событий, августовских! У него моральная ситуация (последупочная) — самая здоровая в стране. Потому что он ее предусмотрел. И предупредил (при своей принципиальности) с самых первых минут. Не ждал, как отнесутся военачальники или правовые структуры. Сам объездил всех. Поэтому командующий Ленинградским военным округом остался на месте, хотя многие другие были сняты с должностей. Ситуация контролировалась с первой минуты. И то, что он пришел на сорокалетие к Розенбауму в ресторан и до трех часов ночи вместе со своей очаровательной Людмилой плясал со всеми, это не заигрывание. Это его симпатии. И то, что он снимал свою кандидатуру на пост вице-президента, — тоже не игра.

ВРЕДНОЕ

— Что за история у вас вышла с «Огоньком»? Они перепечатали какой-то материал из «западного» издания?

— Однажды я давал интервью в Америке. И позже со мной сделали неприятную штучку в «Огоньке». Там — в западном интервью — было много таких вопросов: почему я не уезжаю?

— Кто вас интервьюировал?

— «Русское слово» и «Русская газета». И так, они спрашивали. Почему я не уезжаю? Каково мое социальное положение? Я говорил: «А чем вы меня можете соблазнить? Машина? Есть. Квартира? У меня никогда не было ни одного метра государственной».

— В «Огоньке» это неверно подали?

— Нет, они скомпилировали то, что было им интересно. Для «клубнички». Я как сейчас помню — называлось «Хоть кому-то хорошо в нашей стране». А интервью печаталось там, повторялось, в двух газетах. В таких подвальных размерах. «Огонек» же выдернул только, что у меня есть дача, квартира, машины, у меня все есть. «Ну хорошо, что хоть у кого-то что-то есть». Я прочитал. И когда впервые встретился после этого с Коротичем, сказал: «Не собираюсь даже с тобой говорить на эту тему: твой журнал это твой журнал. И, пожалуйста, не убеждай меня в том, что, когда главный находится вдали, его подчиненные не знают, что они делают». Он говорит тогда: «Ты ответь мне на вопрос — почему ты такой жадный? Почему жад-

ИЗЛЕТ

Думаю, что Иосиф Кобзон прав в следующем: он как-то сказал мне, что людей, делающих (по его мнению) что-либо заметное (или, вернее, остающихся в течение многих лет на виду — будь это сцена или экран), не так уж много. И не стоит сводить счеты между собой. Поэтому, кстати, сам певец-депутат умеет ладить. Если не со всеми, то с многими.

На самом деле у Иосифа Кобзона друзья были и есть не только среди политических деятелей прошлых обоем. Дружен он и с нынешними. Возможно (время покажет), и с будущими. И, конечно же, «кремлевский вокалист» тесно связан (как, впрочем, и многие другие именитые артисты) с тем могучим миром, который по-казенному сдержанно называют уголовным. Этот круг по-своему строг и привлекателен. Со своими понятиями (коих, кстати, нет у «новой волны», сформированной нахрапистой рэкетней из помоечного молодняка).

Помню, как-то я заехал к Илье Сергеевичу Глазунову вместе со своим парижским коллегой, писателем Франсуа Моро. Живописец пригласил нас на тусовку некоей ассоциации, что развернулась тем вечером в насквозь депутатской «России». Вел все это мероприятие величественный Кобзон. Так вот, чувствительный француз минут через 15 занервничал: «Это что, слет ваших знаменитых рэкетиров?» То есть, Франсуа показалось, что эдакое собрание — сбор мафии. И не ему одному, уверен, так показалось.

Впрочем, это тема для отдельного разговора. Когда-нибудь. Может быть. Если получится.

Евгений ДОДОЛЕВ.

Фото А. АГЕЕВА.

СПРАВКА. Пастухов Борис Николаевич. В 1962—1964 гг. возглавлял МГК ВЛКСМ, с 1964-го секретарь (с 1977-го — первый) ЦК комсомола. Член ЦК КПСС с 1978 г. Известен своими расправами над рок-н-рольщиками. Среди журналистов, общавшихся с ним лично, депутаты, как и у Щелокова, — замалчивал.